

Владимир Сергеевич Соловьев

**Полное собрание
стихотворений**

Владимир Сергеевич Соловьев

Полное собрание стихотворений

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176050

Аннотация

«... В исключительной одаренности Владимира Соловьева поэтический талант не является самой блестящей гранью. Художник в своей прозе, он часто в своих стихах – только мыслитель. К собственным стихотворениям нередко пишет он подстрочный комментарий и вообще относится к ним умно. Но, не говоря уже о том, что от общей гениальности Соловьева вспыхивают искры и в отдельных его стихотворениях, они все, взятые в целом, представляют собою очень важную и характерную страницу его творчества, незаменимо дополняют его роскошную духовную трапезу. Формой своей немало обязанные влиянию Фета и Алексея Толстого, они по существу своеобразны и самостоятельны. В них живут мысли и чувства, в них есть религиозно-философское мировоззрение и лирическая исповедь.

<...> ...как ни молитвенны, как ни возвышенны, как ни прекрасны иные его стихотворения, в них вторгается не всегда уместный, но всегда ему свойственный элемент шутливости. Любитель комики, мастер смеха, обладатель каламбуров, он этим

нарушает иногда то впечатление религиозной сосредоточенности, которое одно только и было бы желанно. <...> Вообще, Соловьев слишком остроумен, ироничен и слишком разносторонен; ...»
(Ю. Айхенвальд)

Содержание

«Природа с красоты своей...»	8
Прометею	9
«Лишь год назад – с мучительной тоскою...»	10
«Как в чистой лазури затихшего моря...»	11
«В сне земном мы тени, тени...»	12
«Хоть мы навек незримыми цепями...»	13
«Вся в лазури сегодня явилась...»	14
«У царицы моей есть высокий дворец...»	15
«Близко, далёко, не здесь и не там...»	17
Песня Офитов	19
VIS EJUS INTEGRA SI VERSA FUERIT IN TERRAM[1]	20
«Что роком суждено, того не отражу я...»	21
«Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...»	23
«Газели пустынь ты стройнее и краше...»	24
Отрывок	25
«В былые годы любви невзгоды...»	26
«Уходишь ты, и сердце в час разлуки...»	27
Посвящение к неизданной комедии	28
«О, как в тебе лазури чистой много...»	29
«В стране морозных выюг, среди седых туманов...»	30

Три подвига	32
«Под чуждой властью знойной выюги...»	34
«Бескрылый дух, землею полоненный...»	35
«В тумане утреннем неверными шагами...»	36
А. А. Фету, 19 октября 1881 г.	37
«От пламени страстей, нечистых и жестоких...»	38
L'ONDA DAL MAR' DIVISA[5]	39
«Пора весенних гроз еще не миновала...»	40
«Восторг души расчетливым обманом...»	41
«Там, под липой, у решетки...»	42
В землю обетованную	43
«Земля-владычица! К тебе чело склонил я...»	46
«Какой тяжелый сон! В толпе немых видений...»	47
В Альпах	48
Осеннею дорогой	49
«Безрадостной любви развязка роковая...»	50
«Друг мой! Прежде, как и ныне...»	51
«Бедный друг, истомил тебя путь...»	52
«Не по воле судьбы, не по мысли людей...»	53
EX ORIENTE LUX[6]	54
«Зной без сияния, тучи безводные...»	56
«Пусть тучи темные грозящую толпою...»	57
Кумир Небукаднецара	58
«В час безмолвного заката...»	61
«Пусть осень ранняя смеется надо мною...»	62
«Был труден долгий путь. Хоть восхищала	63

взоры...»	
«Сказочным чем-то повеяло снова...»	64
«Слов нездешних шепот странный...»	65
По случаю падения из саней вдвоем	66
Чем люди живы?	67
«Три дня тебя не видел, ангел милый...»	68
«Я был велик. Толпа земная...»	69
«Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо...»	70
Память	71
Имману-Эль	73
«Ветер с западной страны...»	75
«Потому ль, что сердцу надо...»	76
«Там, где семьей столпились ивы...»	77
«Нет вопросов давно, и не нужно речей...»	78
«Тесно сердце – я вижу – твое для меня...»	79
«Зачем слова? В безбрежности лазурной...»	80
«Мы сошлись с тобой недаром...»	81
«Я добился свободы желанной...»	82
Скромное пророчество	83
«Милый друг, иль ты не видишь...»	84
«Вижу очи твои изумрудные...»	85
«День прошел с суетой беспощадною...»	86
«О, что значат все слова и речи...»	87
«Милый друг, не верю я нисколько...»	88
На палубе «Торнео»	89

По дороге в Упсалу	90
На палубе «Фритиофа»	91
Лунная ночь в Шотландии	92
Песнь горцев	94
Прощанье с морем	96
С Новым годом	97
«Если желанья бегут, словно тени...»	98
В окрестностях Або	99
«Сходня... Старая дорога...»	100
Монрепо	101
Колдун-камень	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Владимир Соловьев

Полное собрание стихотворений

«Природа с красоты своей...»

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
*И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.*

<1872>

Прометею

Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;

Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет,—

Тогда наступит час — последний час творенья.
Твой свет одним лучом
Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном.

Август 1874

«Лишь год назад – с мучительной тоскою...»

Лишь год назад – с мучительной тоскою,
С тоской безумною тебя я покидал,
И мнилось мне – навеки я с тобою
И жизнь, и свет, и счастье потерял.

Лишь год прошел – в ничтожестве забвенья
Исчезла ты, как давний, давний сон,
И лишь порой я вспомню на мгновенье
Былые дни, когда мне снился он.

23 декабря 1874

«Как в чистой лазури затихшего моря...»

Как в чистой лазури затихшего моря
Вся слава небес отражается,
Так в свете от страсти свободного духа
Нам вечное благо является.

Но глубь недвижимая в мощном просторе
Всё та же, что в бурном волнении,—
Могучий и ясный в свободном покое,
Дух тот же и в страстном хотении.

Свобода, неволя, покой и волненье
Проходят и снова являются,
А он всё один, и в стихийном стремленье
Лишь сила его открывается.

Март 1875

«В сне земном мы тени, тени...»

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел

Голос вещий не обманет.
Верь, проходит тень,—
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

«Хоть мы навек незримыми цепями...»

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Всё, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

Между 29 июня и 28 октября 1875

«Вся в лазури сегодня явилась...»

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,—
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

Конец ноября 1875

Каир

«У царицы моей есть высокий дворец...»

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах зототых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и литий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит далеко, в полночном краю
Средь морозных туманов и выюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу, — нежданный пришлец —

Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя, склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные сипы во прах,
Чистым пламенем весь он горит,
И с любовью вечной в лазерных очах
Тихо другу она говорит:

«Знаю, воля твоя волн морских не верней:
Ты мне верность клялся сохранить
Клятве ты изменил,— но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876
Каир

«Близко, далёко, не здесь и не там...»

Близко, далёко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез,

Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал.
Станным ребенком был я тогда,
Станные сны я видал.

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Сметным созданием детской мечты
Долго тебя я считал.

Ныне опять ты являешься мне
С лаской нежданной любви,
Вижу тебя я уже не во сне,
Ясны мне речи твои.

Мне оглушенному в мире чужом
Гулом невнятных речей,
Вдруг прозвучало в привете твоём

Слово отчизны моей.

Голос отчизны в волшебных речах,
В свете лазурных очей,
Отблеск отчизны в эфирных лучах,
В золоте чудных кудрей.

Всё, чем живет мое сердце и ум,
Все, что трепещет в груди,
Все силы чувства, желаний и дум
Отдал я в руки твои.

Деспот угрюмый, холодное «я»,
Гибель почуя, дрожит,
Издалека лишь завидел тебя,
Стихнул, бледнеет, бежит.

Пусть он погибнет, надменный беглец;
В вольной неволе и в смерти живой,
Я и алтарь, я и жертва, и жрец,
С мукой блаженства стою пред тобой.

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876
Каир

Песня Офитов

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.
Тайной пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубке привольно
В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы,
В ярой грозе мы покой обретаем...
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем.

Начало мая 1876

VIS EJUS INTEGRA SI VERSA FUERIT IN TERRAM¹

Истинно тот есть любимец богов, кто жизни весною
Миртом главы не венчал, кого только в грезах манила
Нежной рукой золотая царица Китеры. Дарами
Муз и харит небогатый, пусть древнего Кроноса семя
В сердце глубоко таит он и думой угрюмой питает.

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молнией вспыхнет и землю широким охватит пожаром.
Всё, что в груди хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордого духа порывы и нежность любви беспредельной,

Всё то в одну непреклонную силу сольется, волшебным
Мощным потоком все думы людские обнимет,
Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает.

16 мая 1876

¹ Сила пребудет нераздельной, если обратится в землю (*лат.*)

«Что роком суждено, того не отражу я...»

Что роком суждено, того не отражу я
Бессильной, детской волею своей.
Покинут и один, в чужой земле брожу я,
С тоской по небу родины моей.

Звезда моя вдали сияет одиноко.
В волшебный край лучи ее манят...
Но неприступен этот край далекий,
Пути к нему не радость мне сулят.

Прости ж – и лишь одно последнее желанье,
Последний вздох души моей больной:
О, если б я за горькое страданье,
Что суждено мне волей роковой,

Тебе мог дать златые дни и годы,
Тебе мог дать все лучшие цветы,
Чтоб в новом мире света и свободы
От злобной жизни отдохнула ты!

Чтоб смутных снов тяжелые виденья
Бежали все от солнечных лучей,
Чтоб на всемирный праздник возрожденья

Явилась ты всех чище и светлей.

Июнь 1875 – 1877

«Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...»

Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна,
Как тянутся лучи в саду полураздетом...
*О, что за чудный час меж сумраком и светом,*²

Что за святая тишина!

Прислушайся, взглядишь... безмолвие и лень!..
Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется,
Что солнце из-за туч вовек не вознесется
И что настал последний день?

18 августа 1878

² Стих. Толстого.

«Газели пустынь ты стройнее и краше...»

Газели пустынь ты стройнее и краше,
И речи твои бесконечно-бездонны —
Туранская Эва, степная Мадонна,
Ты будь у Аллаха заступницей нашей.

И всяк, у кого нечто бьется налево,
Лежит пред тобой, не вставая из праха.
Заступницей нашей ты будь у Аллаха,
Степная Мадонна, Туранская Эва!

Август 1878

Отрывок

Зачем тебе любовь и ласки,
Коль свой огонь в груди горит
И целый мир волшебной сказки
С душой так внятно говорит;
Когда в синеющем тумане
Житейский путь перед тобой,
А цель достигнута заране,
Победа предваряет бой;
Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...
О, боги вечные! возьмите
Мой горький опыт и верните
Мне силу первых вешних гроз!..

1878

«В былые годы любви невзгоды...»

В былые годы любви невзгоды
Соединяли нас,
Но пламень страсти не в нашей власти,
И мой огонь угас.

Пускай мы ныне в мирской пустыне
Сошлись опять вдвоем,—
Уж друг для друга любви недуга
Мы вновь не принесем.

Весна умчалась, и нам осталась
Лишь память о весне
Средь жизни смутной, как сон минутной,
Как счастье во сне.

«Уходишь ты, и сердце в час разлуки...»

Уходишь ты, и сердце в час разлуки
Уж не звучит желаньем и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло пред судьбой.

И как среди песков степи безводной
Белеет ряд покинутых гробов,
Так в памяти моей найдут покой холодный
Гробницы светлых грез моей любви бесплодной,
Невыраженных чувств, невысказанных слов.

И если некогда над этими гробами
Нежданно прозвучит призывный голос твой,
Лишь отзвук каменный застывшими волнами
О той пустыне, что лежит меж нами,
Тебе пошлет ответ холодный и немой.

Посвящение к неизданной комедии

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижимых и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Звучи же смех свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

1880

«О, как в тебе лазури чистой много...»

О, как в тебе лазури чистой много
И черных, черных туч!
Как ясно над тобой сияет отблеск бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч.

И как в твоей душе с невидимой враждою
Две силы вечные таинственно сошлись,
И тени двух миров, нестройною толпою
Теснясь к тебе, причудливо сплелись.

Но верится: пройдет сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол,
И туча черная могучими строями
Прорвется вся в опустошенный дол.

И светлую росой она его омоет,
Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвижно озарит.

«В стране морозных вьюг, среди седых туманов...»

В стране морозных вьюг, среди седых туманов
Явилась ты на свет,
И, бедное дитя, меж двух враждебных станов
Тебе приюта нет.

Но не смутят тебя воинственные клики,
Звон лат и стук мечей,
В раздумье ты стоишь и слушаешь великий
Завет минувших дней:

Как древле вышний бог избраннику еврею
Открыться обещал,
И бога своего, молитвой пламенея,
Пророк в пустыне ждал.

Вот грохот под землей и гул прошел далёко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,
Но в страхе бога нет.

И следом шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокот в вышине,
И с ним великий огонь, как молнии сверканье,—

Но бога нет в огне.

И смолкло все, укрощено смятенье,

Пророк недаром ждал:

Вот веет тонкий хлад,³ и в тайном дуновенье

Он бога угадал.

1882

³ «Глас хлада тонка»— выражение славянской Библии.

Три подвига

Когда резцу послушный камень
Предстанет в ясной красоте
И вдохновенья мощный пламень
Даст жизнь и плоть твоей мечте,
У заповедного предела
Не мни, что подвиг совершен,
И от божественного тела
Не жди любви, Пигмалион!
Нужна ей новая победа:
Скала над бездною висит,
Зовёт в смятенье Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкид!
Крылатый конь к пучине прынул,
И щит зеркальный вознесен,
И опрокинут – в бездну канул
Себя увидевший дракон.

Но незримый враг восстанет,
В рог победный не зови —
Скоро, скоро тризной станет
Праздник счастья и любви.
Гаснут радостные клики,
Скорбь и мрак и слезы вновь...
Эвридики, Эвридики

Не спасла твоя любовь.
Но воспрянь! Душой недужной
Не склоняйся пред судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачном пороге,
В сонме плачущих теней
Очарованные боги
Узнают тебя, Орфей!
Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает.

1882

«Под чуждой властью знойной выюги...»

Под чуждой властью знойной выюги,
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснувший призыв.

И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел —
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал, и ввысь ушел.

И на заоблачной вершине
Пред морем пламенных чудес
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

«Бескрылый дух, землею полоненный...»

Бескрылый дух, землею полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон – и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной,—
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон – и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

Июнь 1883

«В тумане утреннем неверными шагами...»

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны – и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко всё, что грезилось мне.

И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

А. А. Фету, 19 октября 1881 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.
И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега.
И пышный лавр средь степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.⁴

Октябрь 1884

⁴ А. А. Фет, которого исключительное дарование как лирика было по справедливости оценено в начале его литературного поприща, подвергся затем продолжительному гонению и глумлению по причинам, не имеющим никакого отношения к поэзии. Лишь в последнее десятилетие своей жизни этот несравненный поэт, которым должна гордиться наша литература, снова приобрел благосклонность читателей и критиков. Первым публичным выражением этой перемены в отношении к нему было суждение Академии наук, удостоившей полной Пушкинской премии его переводы из Горация и Гете. Это признание его заслуг имело для Фета особенное значение потому, что было связано с именем боготворимого им Пушкина (сюда относятся слова «сам орел поэзии родимой»).

«От пламени страстей, нечистых и жестоких...»

От пламени страстей, нечистых и жестоких,
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты.

Не средь житейской мертвенной пустыни,
Не на распутье праздных дум и слов
Найти нам путь к утраченной святыне,
Напасть на след потерянных богов.

Не нужно их! В безмерной благостыне
Наш бог земли своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К смиренной высоте открыл и указал.

И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста.

23 декабря 1884

L'ONDA DAL MAR' DIVISA⁵

Волна в разлуке с морем
Не ведает покою,
Ключом ли бьет кипучим,
Иль катится рекою, —
Всё ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежном,
Бездонном синем море.

1884

⁵ Волна, разлученная с морем (*итал.*)

«Пора весенних гроз еще не миновала...»

Посвящается В. Л. Величко

Пора весенних гроз еще не миновала,
А уж зима пришла,
И старость ранняя неожиданно рассказала,
Что жизнь свое взяла.
И над обрывами бесцельного блуждания
Повис седой туман.
Душа не чувствует бывшего страдания,
Не помнит старых ран.
И, воздух горный радостно вдыхая,
Я в новый путь готов,
Далёко от цветов увянувшего мая,
От жарких летних снов.

Начало января 1885

«Восторг души расчетливым обманом...»

Восторг души расчетливым обманом
И речью рабскою – живой язык богов,
Святыню муз – шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

Когда же сам, разбит, разочарован,
Тоскуя, вспомнил он святую красоту,
Бессильный ум, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.

Былой любви пленительные звуки
Вложить в скорбящий стих напрасно он хотел.
Не поднялись коснеющие руки,
И бледный призрак тихо отлетел.

Январь 1885

«Там, под липой, у решетки...»

Там, под липой, у решетки,
Мне назначено свиданье.
Я иду, как агнец кроткий,
Обреченный на закланье.

Всё как прежде: по высотам
Звезды старые моргают,
И в кустах по старым нотам
Соловьи концерт играют.

Я порядка не нарушу...
Но имей же состраданье!
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье!

В землю обетованную

Посв<ящается> А.П. Соломону

«Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род, и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы —
Покорен будь глаголам уст моих.
Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, всё прошлое забыв,
И всё иди, — доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв».

Он с ложа встал и в трепетном смущенье
Не мог решить, то истина иль сон...
Вдруг над главой промчалось дуновение
Нездешнее—и снова слышит он:

«От родных многоводных Халдейских равнин,
От нагорных лугов Арамейской земли,
От Харрана, где дожил до поздних седин,
И от Ура, где юные годы текли, —

Не на год лишь один,
Не на много годин,
А на вечные веки уйди».

И он собрал дружину кочевую,
И по пути воскреснувших лучей
Пустился в даль туманно-голубую
На мощный зов таинственных речей:

«Веет прямо в лицо теплый ветер морской,
Против ветра иди ты вперед,
А когда небосклон далеко пред тобой
Вод великих всю ширь развернет,—
Ты налево тогда свороти
И вперед поспешай,
По прямому пути,
На пути отдыхай,
И к полудню на солнце гляди,—
В стороне ж будет град или весь,
Мимо ты проходи,
И иди, всё иди,
Пока сам не скажу тебе: здесь!
Я навеки с тобой;
Мой завет сохрани:
Чистым сердцем и крепкой душой
Будь мне верен в ненастье и в ясные дни;
Ты ходи предо мной
И назад не гляди,
А что ждет впереди —
То откроется верой одной.
Се, я клялся собой,
Обещал я, любя,

Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных».

Январь 1886

«Земля-владычица! К тебе чело склонил я...»

Земля -владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такою негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетание
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Май 1886

«Какой тяжелый сон! В толпе немых видений...»

Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благодатной тени,
Что тронула меня своим крылом.

Но только уступлю напору злых сомнений,
Глухой тоской и ужасом объят, —
Вновь чую над собой крыло незримой тени,
Ее слова по-прежнему звучат.

Какой тяжелый сон! Толпа немых видений
Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
«Не верь мгновенному, люби и не забудь!...»

1885, июнь 1886

В Альпах

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

Август 1886

Осеннею дорогой

Меркнет день Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

Осень 1886

«Безрадостной любви развязка роковая...»

Безрадостной любви развязка роковая!
Не тихая печаль, а смертной муки час...
Пусть жизнь—лишь злой обман, но сердце, умирая,
Томится и болит, и на пороге рая
Еще горит огнем, что в вечности погас.

1 январь 1887

«Друг мой! Прежде, как и ныне...»

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адониса отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,
Адонис вставал из гроба,
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба.

Друг мой! ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ее зардели.

3 апреля 1887

«Бедный друг, истомил тебя путь...»

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и веноч твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,—
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

«Не по воле судьбы, не по мысли людей...»

Не по воле судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбил,
И любовь вещей моей
От невидимой злобы, от тайных сетей
Я тебя ограждал, я тебя оградил.

Пусть собираются тучи кругом,
Веет бурей зловещей и слышится гром,
Не страшися! Любви моей щит
Не падет перед темной судьбой.
Меж небесной грозой и тобой
Он, как встарь, неподвижно стоит.

А когда пред тобою и мной
Смерть погасит все светочи жизни земной,
Пламень вечной души, как с Востока звезда,
Поведет нас туда, где немеркнущий свет,
И пред богом ты будешь тогда,
Перед богом любви – мой ответ.

EX ORIENTE LUX⁶

«С Востока свет, с Востока силы!»

И, к вседержительству готов,

Ирана царь под Фермопилы

Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея

Небесный дар Элладе дан.

Толпы рабов бегут, бледнея,

Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга

Стезею славною прошел?

То македонская фаланга,

То Рима царственный орел.

И силой разума и права —

Всечеловеческих начал —

Воздвиглась Запада держава,

И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?

Зачем весь мир опять в крови?

Душа вселенной тосковала

⁶ Свет с Востока (лат.).

О духе веры и любви!

И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливался широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

1890

«Зной без сияния, тучи безводные...»

Зной без сияния, тучи безводные,
Шум городской суеты...
В сердце тоскующем думы бесплодные,
Трепет бескрылой мечты.

Жду, когда новая туча надвинется,
Думы прольются в слезах
И над разбитою скорбью поднимется
Лик твой, как солнце в лучах.

<1890>

«Пусть тучи темные грозящею толпою...»

Пусть тучи темные грозящею толпою
Лазурь заволокли,—
Я вижу лунный блеск: он их тяжелой мглою
Не отнят у земли.

Пусть тьма житейских зол опять нас разлучила,
И снова счастья нет,—
Сквозь тьму издалика таинственная сила
Мне шлет твой тихий свет.

Края разбитых туч сокрытыми лучами
Уж месяц серебрит.
Еще один лишь миг, и лик его над нами
В лазури заблестит.

7 августа 1891

Кумир Небукаднецара

<Посвящается К. П. П<обедоносцеву>

Он кликнул клич: «Мои народы!
Вы все рабы, я – господин,
И пусть отсель из рода в роды
Над вами будет бог один.

В равнину Дуры⁷ вас зову я.
Бросайте всяк богов своих
И поклоняйтесь, торжествуя,
Сему созданию рук моих».

Толпы несметные кишели;
Был слышен мусикийский гром;
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.

И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли,
И рукотворного Кумира
Владыкой Жизни нарекли.

⁷ Или Деир, по неправильной греческой транскрипции, – равнина в Халдее близ Вавилона. (Примеч. Вл. Соловьева.)

Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной – дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Кадильным дымом окружен.

И перед идолом на троне,
Держа в руке священный шар
И в семиярусной короне,
Явился Небукаднецар.

Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы, —
Земля умолкла предо мной.

Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.

Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».

И по равнине диким стоном
Пронесся клич. «Ты бог богов!»,
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.

В сей день безумья и позора
Я крепко к господу воззвал,
И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.

И от высот Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Как пламя жертвенника, зрима,
Твердь расступилась надо мной.

И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,
Корою льдистою одели
Равнину Дурскую кругом.

Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.

Где жил вчера владыка мира,
Я ныне видел пастухов:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотов.

Начало ноября 1891

«В час безмолвного заката...»

В час безмолвного заката
Об ушедших вспомяни ты,—
Не погибло без возврата,
Что с любовью пережито.

Пусть синеющим туманом
Ночь на землю наступает —
Не страшна ночная тьма нам:
Сердце день грядущий знает.

Новой славою господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый благовест воскресный.

<1892>

«Пусть осень ранняя смеется надо мною...»

.....
Пусть осень ранняя смеется надо мною,
Пусть серебрит мороз мне темя и виски,—
С весенним трепетом стою перед тобою,
Исполнен радости и молодой тоски.

И с милым образом не хочется расстаться,
Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.

Январь 1892

«Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры...»

.....
Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступные кругом сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдруг посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкие крыла,
И в новую страну неистощимой грезы
Любовь—волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройные недвижимо стоят,
И нежных эльфов рой мелькает и кружится,
И феи бледные задумчиво скользят.

Январь 1892

«Сказочным чем- то повеяло снова...»

Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?
Форму принять мое чувство боится...
О, как бессильно холодное слово!

3 января 1892

«Слов нездешних шепот странный...»

Слов нездешних шепот странный,
Аромат японских роз...
Фантастичный и туманный
Отголосок вешних грез.

Между 3 и 15 января 1892

По случаю падения из саней вдвоем

Смеялося солнце над нами,
И ты, мое солнце, смеялась.
Теперь, разделивши паденье,
Любовь разделить нам осталось.

От грязи тебя уберег я,
Простершись меж ней и тобою:
Так, верь мне, от всяческой злобы
Тебя я, мой ангел, покрою.

У двери меня прогнала ты,
Но в сердце моем ты осталась,
И так же всё было легко мне,
И солнце всё так же смеялось!

26 января 1892

Чем люди живы?

Люди живы божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.

Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.

А когда не слишком смело
И себя причислить к людям,—
Жив я мыслю, что с милой
Мы навеки вместе будем.

30 января 1892

«Три дня тебя не видел, ангел милый...»

Три дня тебя не видел, ангел милый,—
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди,

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом всё в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Всё гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

«Я был велик. Толпа земная...»

Я был велик. Толпа земная
Кишела где-то там в пыли,
Один я наверху стоял,
Был с богом неба и земли.

И где же горные вершины?
Где лучезарный свет и гром?
Лежу я здесь, на дне долины,
В томленье скорбном и немом.

О, как любовь всё изменила.
Я жду, во прахе недвижим,
Чтоб чья-то ножка раздавила
Меня с величием моим.

Между 31 января и 3 февраля 1892

«Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо...»

Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо,
Не нужен я теперь царице дум моих.
Ей смертная любовь не принесет отрады,
И слов ей не дает мой неуклюжий стих.

Зато мой вечный дух, свободный и могучи
К ее груди невидимо прильнет,
Навеет в сердце ей рой сладостных созван?
И светлой грезой всю душу обовьет.

И ни на миг ее он не оставит,
Любовью вечною ее он озарит,
Стихию темную святым огнем расплавит
И от земных оков без боли разрешит.

3 февраля 1892

Память

Мчи меня, память, крылом нестареющим
В милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.

Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни там две сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вместо погибшей весны.

Далее, память! Крылом тиховеющим
Образ навей мне иной...
Вижу ее на лугу зеленеющем
Светлую летней порой.

Солнце играет над дикою Тосною,
Берег отвесный высок...
Вижу знакомые старые сосны я,
Белый сыпучий песок...

Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладела душой,
Словно те прежние слезы пролитые
Льются воскресшей волной.

29 февраля 1892

Имману-Эль

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился с—нами—бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Да! С нами бог,— не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он *здесь, теперь* — средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами бог!

11 марта 1892

«Ветер с западной страны...»

Ветер с западной страны
Слезы навевает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.

То из края мертвецов
Вопли к нам несутся.
Сердце слышит и дрожит,
Слезы льются, льются.

Ветер с запада утих,
Небо улыбнулось,
Но из края мертвецов
Сердце не вернулось.

2 июня 1892

«Потому ль, что сердцу надо...»

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И с тобой, с тобой одною
Мог я счастье найти,—

Оттого ли, потому ли,—
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

«Там, где семьей столпились ивы...»

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей,
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления,
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовь земною,
И над темною суетой...

16 июля 1892

«Нет вопросов давно, и не нужно речей...»

Нет вопросов давно, и не нужно речей,
Я стремлюся к тебе, словно к морю ручей
Без сомнений дум милый образ ловлю,
Знаю только одно – что безумно люблю.

В алом блеске зари я тебя узнаю,
Вижу в свете Небес я улыбку твою,
А когда без тебя суждено умереть,
Буду яркой звездой над тобою гореть.

17 июня 1892

«Тесно сердце – я вижу – твое для меня...»

Тесно сердце – я вижу – твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски
И замолкнут навек в эту черную ночь
Все безумные песни и сказки.

17 июня 1892

«Зачем слова? В безбрежности лазурной...»

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг – и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Начало сентября 1892

«Мы сошлись с тобой недаром...»

Мы сошлись с тобой недаром,
И недаром, как пожаром,
Дышит страсть моя:
Эти пламенные муки —
Только верные поруки
Силы бытия.

В бездну мрака огневую
Льет струю свою живую
Вечная любовь.
Из пылающей темницы
Для тебя перо Жар-птицы
Я добуду вновь.

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

15 сентября 1892

«Я добился свободы желанной...»

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад,—
Отчего же с тоскою неожиданной,
Отчего я свободе не рад?

Ноет сердце, и падают руки,
Всё так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

3 декабря 1892

Скромное пророчество

Повернуло к лету божье око,
На земле ж всё злей и злей морозы...
Вы со мною холодны жестоко,
Но я чую, чую запах розы.

Я в пророки возведен врагами,
На смех это дали мне прозвание,
Но пророк правдивый я пред вами,
И свершился скоро предсказанье.

Я пророчу,— слушайте, дриада!
Снег растает, и минует холод,
И земля воскреснет, солнцу рада,
И проснется лес, как прежде молод.

Я пророчу, — это между нами,—
Что гулять вы будете по саду
И впивать и носом, и глазами
Майской ночи светлую отраду.

10 декабря 1892

«Милый друг, иль ты не видишь...»

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

«Вижу очи твои изумрудные...»

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бедный мой друг,
Но не бойся: тебя не покину я,—
Он сомкнулся, магический круг.

В эти сны наяву, непробудные,
Унесет нас волною одной.
Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик стоит предо мной.

«День прошел с суетой беспощадною...»

День прошел с суетой беспощадною
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи – перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

«О, что значат все слова и речи,...»

О, что значат все слова и речи,
Этих чувств отлив или прибой
Перед тайною нездешней нашей встречи,
Перед вечною, недвижною судьбой?

В этом мире лжи – о, как ты лжива!
Средь обманов ты живой обман.
Но ведь он со мной, он мой, тот миг
счастливый,
Что рассеет весь земной туман.

Пусть и ты не веришь этой встрече,
Всё равно, – не спорю я с тобой.
О, что значат все слова и речи
Перед вечною, недвижною судьбой?

«Милый друг, не верю я нисколько...»

Милый друг, не верю я нисколько
Ни слогам твоим, ни чувствам, ни глазам,
И себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.

Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.

И меж тех цветов, в том вечном лете,
Серебром лазурным облита,
Как прекрасна ты, и в звездном свете
Как любовь свободна и чиста!

На палубе «Торнео»

Посмотри: побледнел серп луны,
Побледнела звезда Афродиты,
Новый отблеск на гребне волны...
Солнца вместе со мной подожди ты!

Посмотри, как потоками кровь
Заливает всю темнею силу.
Старый бой разгорается вновь...
Солнце, солнце опять победило!

28 июля 1893

По дороге в Упсалу

Где ни взглянешь,— всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?

Здесь с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.

И средь смутных очертаний
Этих каменных высот
В блеске северных сияний
К царству духов виден вход.

Знать, недаром из Кашмира
И с полуденных морей
В этот край с начала мира
Шли толпы богатырей.

2 августа 1893

На палубе «Фритиофа»

Только имя одно я успел прошептать
За звездой, что скатилась в море,
Пожелать не успел, да и поздно желать:
Всё минуло – и счастье и горе.

Берег скрылся давно, занят весь кругозор
Одинокой пучиной морскою.
В одинокой душе тот же вольный простор,
Что вокруг предо мной и за мною.

6 августа 1893

Лунная ночь в Шотландии

Памяти графа Ф.Л. Соллогуба

По долине меж гор
Лунный луч пробрался мне в окно.
Выходи, выходи на простор!
Что за сон, не заснуть всё равно.

Ярче светлого сна, наяву
Вся долина в сиянье лежит.
Никого, никого я с собой не зову,
Пусть один водопад говорит.

Выше, выше, туда, где стоит
Одинокая ель над скалой,
Где ручей меж камней невидимкой бежит,
Там, где гномы живут под землей.

Шире, шире растёт кругозор,
Всё ясней и ясней при луне
Очертания серые гор,
Отраженных в Ломондской волне.

Отчего ж этой ночи краса,
Словно призрак безмолвный, грустна?

Свет холодный струят небеса,
И земля, как луна, холодна.

Точно светлый простерт балдахин
Над гробами минувших веков,
Точно в лунную ночь на земле я один
Средь незримой толпы мертвецов.

Проникает до самой души
Лунный холод, что льется вокруг...
Что же это в недвижной тиши
Всколыхнулось и грянуло вдруг?

Голоса из невидимых стран,
Диких звуков неслыханный ряд,
Воеет рог, и гремит барабан,
И неистово флейты визжат.

Одинокая ель ожила
И навстречу ветвями шумит,
Ожила и немая скала,
В тайном трепете мшистый гранит.

.....

Песнь горцев

Слава вождю, что ведет нас к победам!
Он носит на знамени вечнозеленую ель.
Всюду за ней мы, и страх нам неведом,
Клан Альпин – гроза для окрестных земель.

.....

Что нам цветы в их изменчивой славе?
Чем ярче весна, тем их гибель грустней.
Зимней порой ни листочка в Троссахской дубраве:
Тут-то гордимся мы елью зеленой своей.

Корни глубоко в расселины скал запустила,
Зимние бури над ней истощат свои силы,
Чем они крепче, тем крепче срастется с родною горой.
Пусть же Монтэйт с Брэдалбанской землею
Снова и снова гремят ей хвалою:
*Родериг Вих-Альпин-дху, го! изрой!*⁸

Гордо наш пиброх звучал в Глэн-Фруине,
И Баннохар стоном ему отвечал;
Глэн-Люсс и Росс-дху дымятся в долине,
Пустыней весь берег Лох-Ломонда стал.

⁸ Приветственный клич вождю на гаэльском языке. Эта песня есть почти буквальный перевод из Вальтера Скотта (Lady of the Lake).

Вдовам и девам саксонским вовек
Памятен будет наш ярый набег,
Страхом и горем они поминать тебя будут, альпийский
герой!

В трепете Леннокс и Левенглэн,
Только слышат вблизи своих стен:
Родериг Вих-Альпин-дху, го! изрой!

Дикие клики звучали победно...
Миг лишь – и снова безмолвье царит.
Призраки звуков замолкли бесследно,
Только ручей под камнями шумит.
Старая ель и холодные скалы,
В мертвом просторе сияет луна.
Песня бывшего навек отзвучала,
Дикая жизнь – не воскреснет она!

Август 1893

Прощанье с морем

Снова и снова иду я с тоскою влюбленной
Жадно впиваться в твою бесконечность очами,
Нужно расстаться и с этой подругою светло-зеленой.
Вместе, о море, мы ропщем, но влаги соленой
Я не умножу слезами.

В путь одинокий и зимний с собой заберу я
Это движенье живое, и голос, и краски;
В ночи бессонные, дальней краскою чаруя,
Ты мне напомнишь свои незабвенные ласки.

1 ноября 1893

С Новым годом (1 января 1894)

Новый год встречают новые могилы,
Тесен для бывшего новой жизни круг,
Радостное слово прозвучит уныло,—
Всё же: с новым годом, старый, бедный друг!

Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь,—
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.

Лишь бы только время, сокрушив неволю,
Не взяло и силы любящих сердец,
Лишь бы только призрак несвершенной доли
Не гляделся в душу, как живой мертвец.

Конец ноября 1893

«Если желанья бегут, словно тени...»

Если желанья бегут, словно тени,
Если обеты – пустые слова,—
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правда мертва?

Вечность нужна ли для праздных стремлений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.

Высшую силу в себе созная,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг,— и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.

<1893>

В окрестностях Або

Не позабуду я тебя,
Краса полуночного края,
Где, небо бледное любя,
Волна бледнеет голубая;
Где ночь безмерная зимы
Таит магические чары,
Чтоб вдруг поднять средь белой тьмы
Сияний вещей пламень ярый.
Там я скитался, молчалив,
Там богу правды я молился,
Чтобы насилия прилив
О камни финские разбился.

Начало января 1894

«Сходня... Старая дорога...»

Сходня... Старая дорога...
А в душе как будто ново.
Фон осенний. Как немного
Остается от бывшего!

21 августа 1894

Монрепо

Серое небо и серое море
Сквозь золотых и пурпурных листов,
Словно тяжелое старое горе
Смолкло в последнем прощальном уборе
Светлых, прозрачных и радужных снов.

26 сентября 1894

Колдун-камень

Посвящается Л.М. Лопатину

Эти мшистые громады
Сердце тянут как магнит.
Что от смертного вам надо,
Что за тайна здесь лежит?

Молвит древнее сказанье,
Что седые колдуны
Правым роком в наказанье
За ужасные деянья
В камни те превращены.

Спят в немом оцепененье,
Лишь один, однажды в век,
В свой черед из усыпленья
Встанет камень-человек.

Борода торчит седая,
Как у волка, взор горит,
И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожит.

Заклинанье раздастся,

Мгла кругом потрясена,
И со стоном в берег бьется
Моря финского волна.

Воет буря, гул и грохот,
Море встало, как стена,
И далече слышен хохот
И проклятья колдуна.

Сила адского дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнут грешные созданья,
Гибнут грешные дела.

И, свершив предназначенье,
Вещий камень снова спит,
Но над ним – залог прощенья —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.